

2. Зеновина В. Наследственные фонды: первые вопросы о не вступивших в силу нормах ГК РФ. <https://www.garant.ru/news/1188567/> (Дата обращения: 10 января 2020 года).

3. Калинина М. А., Санжарова Е. Ю. Наследственные фонды в РФ: проблемы становления правового института. <https://sibac.info/journal/student/44/126402> (Дата обращения: 15 января 2020 года).

УДК 343.211
ГРНТИ 10.77.01

**К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Дудоров Тимофей Дмитриевич
доцент кафедры уголовно-процессуального права, к.ю.н., доцент,
Российский государственный университет правосудия
Центральный филиал, Россия, г. Воронеж
Посохов Станислав Эдуардович
магистрант
Российский государственный университет правосудия,
Центральный филиал, Россия, г. Воронеж

**ON THE QUESTION OF THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT AND THE BASIS OF
CRIMINAL RESPONSIBILITY IN THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW**

Dudorov Timofey D.
Associate Professor of criminal law and procedure
the Russian State University of Justice (Central Branch),
Russia, Voronezh,
PhD. In law, docent;
Posokhov Stanislav E.
master student
the Russian State University of Justice (Central Branch),
Russia, Voronezh

АННОТАЦИЯ

Категории «уголовная ответственность» и «основание уголовной ответственности» являются основополагающими для доктрины уголовного права, однако до настоящего времени, несмотря на наличие законодательной трактовки, взгляды специалистов по обозначенной проблеме существенно разнятся. Авторами статьи предпринята попытка обобщить библиографию вопроса, выделив детерминирующие признаки уголовной ответственности, и на основе системного анализа норм Общей части УК РФ и положений ст. 8 УК РФ выявить технико-юридические неточности в легальном определении ее основания, предложив собственное видение проблемы.

ABSTRACT

The categories of "criminal responsibility" and "foundation of criminal responsibility" are fundamental to the doctrine of criminal law, but so far, despite the existence of a legislative interpretation, the views of experts on the problem is very different. The author of the article made an attempt to summarize the bibliography of the issue, highlighting the deterministic signs of criminal responsibility, and on the basis of a systematic analysis of the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and the provisions of art. 8 Criminal Code of the Russian Federation to reveal technical and legal inaccuracies in the legal definition of its basis, offering its own vision of the problem.

Ключевые слова: уголовная ответственность; основание уголовной ответственности; дифференциация; состав преступления; преступление; общественная опасность.

Keywords: criminal responsibility; the basis of criminal responsibility; differentiation; the composition of the crime; crime; public danger.

Вопрос о содержании термина «уголовная ответственность», несмотря на то, что названное понятие является базовым для теории и практики уголовного права, до настоящего времени относится к числу активно обсуждаемых. Подавляющее большинство авторов учебной литературы исходит из тезиса о том, что общетеоретическое толкование ответственности

как обязанности лица претерпеть неблагоприятные последствия противоправного деяния должно применяться к уголовно-правовым отношениям с учетом детерминации содеянного как преступления, наказуемого в соответствии с нормами уголовного закона [1, с. 64]. Подобный подход вызывает возражения на том основании, что уголовная ответственность в данном случае

рассматривается не как фактическое наказание за преступное поведение, а лишь обязанность его претерпеть, что, по справедливому замечанию С.Н. Братуся, не соответствует механизму действия государственного аппарата принуждения, который приводится в действие при фактическом неисполнении обязанности, т.е. тогда, когда собственно и наступает ответственность [2, с. 103].

Несколько иную смысловую нагрузку имеет акцент не на соответствующей обязанности виновного лица, а на мерах уголовно-правового воздействия, применяемых к нему [3, с. 97]. При таком подходе уголовная ответственность отождествляется с наказанием и рассматривается как применение санкции, что возвращает нас к классическому периоду развития науки уголовного права, когда еще не получил должной детализации институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также не проводилось разграничения между уголовным наказанием и мерами уголовно-правового характера [4]. Нельзя отрицать, что наказание является центральным элементом уголовной ответственности, но не единственным, поскольку в ее содержание входит и факт порицания государством и обществом преступного поведения, выраженный в обвинительном приговоре, а также судимость, влекущая для осужденного комплекс неблагоприятных правовых последствий. Кроме того, компонентом уголовной ответственности в настоящее время считают и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые в отношении несовершеннолетних вместо наказания и преследующие аналогичные ему цели [5, с. 22], а также часть специалистов причисляет к уголовной ответственности принудительные меры медицинского характера, указывая, что они в числе прочего имеют цель предупреждения преступного поведения лица [6, с. 104]. Представляется возможным не согласиться с последним утверждением ввиду специфики как содержания принудительных медицинских мер, так и круга субъектов, к которым они могут быть применены исключительно по медицинским показаниям, в этой связи думается, что основная функция названных мер – не карательная, а лечебная, что не предполагает возложения ответственности в принципе, поскольку лицо по состоянию здоровья не способно понимать ее социального значения.

Более широкое толкование предлагают те специалисты, которые включают в понятие «уголовная ответственность» соответствующее общественное отношение в целом, указывая, что оно возникает между лицом и государством по поводу совершения преступления и регламентируется нормами уголовного права [7, с. 76-78]. Считается аксиоматичным утверждение о том, что уголовное правоотношение возникает с момента совершения преступления, а уголовная ответственность как фактическое претерпевание виновным негативных последствий своего поведения – с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда, что позволяет

выдвинуть тезис о том, что исследуемые категории соотносятся как целое (уголовное правоотношение) и часть (уголовная ответственность).

Достаточно востребованным в советской науке уголовного права был двойственный подход к пониманию содержания уголовной ответственности, который заключался в придании ей негативно-позитивного характера. Первый из двух аспектов предполагает, что к лицу применяются негативные право ограничивающие меры уголовно-правового характера, которые он обязан претерпеть; второй – что предусмотренные законом меры уголовной ответственности являются основой правомерного поведения, т.к. предполагают осознание лицом обязанности воздерживаться от уголовно-наказуемого поведения [8, с. 12-29]. Перспективный подход к пониманию уголовной ответственности нельзя назвать традиционным, поскольку, как справедливо указывал Ю.М. Ткачевский, он нивелирует смысловую нагрузку словосочетания «дать ответ», т.е. «отвечать только за прошлое, за уже содеянное, что и детерминирует уголовную ответственность именно как ретроспективную и ограниченную кругом лиц, виновных в преступлении» [9, с. 8]. Думается, что включение в содержание уголовной ответственности позитивного компонента подменяет иное понятие – стимулирующую положительное поведение функцию уголовного закона.

Если же говорить о негативном аспекте понятия «уголовная ответственность», то, на наш взгляд, именно он в полной мере отражает ее сущность, поскольку интегрирует несколько определяющих признаков:

- исключительность основания наступления ответственности – совершение преступления, что не позволяет причислять к таковым сходные по признакам деяния, не являющиеся преступными в силу своей общественной значимости и прямо названные в УК РФ (например, необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) и т.д.);

- взаимосвязь уголовной ответственности и государственного принуждения, реализуемого специально уполномоченными органами публичной власти;

- правоограничения, которые обязано претерпеть лицо, признанное виновным в совершении преступления. Названные ограничения являются объективным свойством уголовной ответственности и могут иметь как имущественный (например, ограничение права собственности), так и неимущественный (например, ограничение права на свободу и личную неприкосновенность) характер;

- отсутствие тождества между уголовной ответственностью и наказанием, что определяется содержательным объемом ответственности, которая всегда предшествует назначению наказания, но может применяться и без такового (например, ст. 92 УК РФ);

- наличие пределов реализации, в качестве которых выступают моменты начала и окончания уголовной ответственности – вынесение судом обвинительного приговора и отбытие осужденным назначенного наказания соответственно. В тех случаях, когда наказание не исполняется, уголовная ответственность завершается истечением сроков сохранения обязанности осужденного отбыть наказание, либо, если приговор вынесен без назначения наказания – уголовная ответственность исчерпывается его постановлением.

Вопрос об основании и пределах реализации уголовной ответственности тесно связан с проблемой ее дифференциации, поскольку совершение различных по тяжести преступных деяний определяет применяемый уровень уголовной репрессии, а также неодинаковый временной промежуток ее прекращения. В этой связи особую остроту имеет проблема унификации основания уголовной ответственности, которое, как уже было отмечено, обладает признаком исключительности. Обращаясь к тексту уголовного закона, можно сделать вывод, что вопрос об основании уголовной ответственности решен однозначно – это совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ), однако наличие множества доктринальных толкований приведенного положения не позволяет сделать столь оптимистичный вывод. Так, основание уголовной ответственности определяется как процесс, т.е. совершение деяния, само деяние или его абстрактная форма, состав преступления, деяние, содержащее признаки состава преступления, преступление [10, с. 97]. Следуя логике научной добросовестности, полагаем, что, анализируя положения ст. 8 УК РФ, необходимо исходить из критериев детерминации основания уголовной ответственности, аргументированно приведенных Е.В. Благовым: соблюдение принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), достаточность для обоснования правоограничительных мер применяемых к конкретному лицу, подлежащему уголовной ответственности [10, с. 98]. Буквальное толкование текста ст. 8 УК РФ действительно приводит к выводу о том, что основание ответственности имеет длящийся характер, поскольку совершение деяния – это процесс, однако он в силу незавершенности может и не содержать всех признаков состава преступления, т.е. возникает очевидное противоречие между двумя легально сформулированными элементами основания. Думается, что речь должна идти о свершившемся факте, т.е. о совершенном деянии, в том числе, прерванном по независимым от виновного причинам на стадии приготовления или покушения. Данный тезис подтверждается доктринально, поскольку уголовное право оперирует понятием «окончание преступления», считая таковым как оконченное, так и неоконченное деяние. Приведем еще один аргумент в пользу обоснования существующего

противоречия – ч. 1 ст. 14 УК РФ, давая легальное толкование понятия «преступление», определяет его именно как «виновно совершенное деяние...», что предполагает ограниченность во времени и завершенность. Здесь же обозначается и еще одно противоречие, имеющееся в определении свойства исключительности основания уголовной ответственности, о котором мы упоминали выше. Так, формально признаки состава преступления содержатся в деяниях, которые в силу малозначительности, т.е. небольшой общественной опасности к преступлениям не относятся (ч. 2 ст. 14 УК РФ). В тоже время ст. 8 УК РФ такого отграничения не проводит, следовательно, логично предположить, что совершение малозначительного деяния также является основанием уголовной ответственности. Еще одним вопросом, тесно связанным с проблемой дифференциации уголовной ответственности, является указание в ст. 8 УК РФ на признаки состава преступления, которые варьируются по различным критериям: конструктивные, квалифицирующие, единичные и альтернативные. Думается, что при определении основания уголовной ответственности речь должна идти о криминообразующих, т.е. конструктивных признаках, позволяющих идентифицировать основной состав преступления. Так, именно наличие конструктивных признаков позволяет установить общественную опасность того или иного деяния с точки зрения его отнесения к числу запрещенных уголовным законом, а иные признаки, несмотря на их значимость – вторичны, что следует как из их технико-юридического оформления (это, как правило, вторые и последующие части статей Особенной части УК РФ), так и из формулировок, наиболее востребованных в таких ситуациях законодателем – «то же деяние, совершенное ...». Исключение, по справедливому замечанию А.В. Иванчина, имеют альтернативные признаки состава преступления, когда в него входят они все, но для констатации наличия основания уголовной ответственности достаточно лишь одного, что исключает толкование наличия их совокупности как обязательного условия реализации положений ст. 8 УК РФ [11, с. 80]. Изложенное в полной мере, на наш взгляд, относимо к утверждению о том, что основанием уголовной ответственности является наличие в деянии виновного состава преступления. По тем же соображениям, можно констатировать, что значение имеет лишь наличие основного состава, в то время как квалифицированные и привилегированные служат основанием для дифференциации уголовной ответственности.

Думается, что в качестве определяющих наличие или отсутствия основания уголовной ответственности признаков, помимо общественной опасности, должны выступать и признаки преступления, прямо обозначенные в ч. 1 ст. 14 УК РФ – виновность и запрещенность уголовным законом, при этом четко прослеживается их логическая взаимосвязь с составом преступления [10, с. 101]. Так, в императивном порядке

запрещается привлекать к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 5 УК РФ), а вина, в свою очередь относится к типичным признакам составов преступлений (ст. 24 УК РФ). Запрет того или иного деяния уголовным законом очевиден, поскольку Особенная часть УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений.

В этой связи представляется аргументированным неоднократно высказываемое в специальной литературе предложение о корректировке основания уголовной ответственности, предусмотренного ст. 8 УК РФ, путем его соотнесения с понятием «преступление», содержащимся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, что требует указания на общественную опасность совершенного деяния и наличие в нем состава преступления, который относится к числу основных.

Список литературы

1. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 464с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Городец, 2001. 208с.
3. Российское уголовное право / Под ред. А.И. Рарога. М.: Юриспруденция, 2014. 784с.
4. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887. Вып. 1. // <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (Дата обращения: 21.09.2019 г.).
5. Жовнир С. О понятии уголовной ответственности // Уголовное право. 2006. № 3. С. 21-25.
6. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 384с.
7. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 720с.
8. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010. 100с.
9. Ткачевский Ю. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999. № 3. С. 38-41.
10. Благов Е.В. Об основании уголовной ответственности // Lex russica. 2019. № 1. С. 97-107.
11. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352с.

References:

1. Criminal law. The general part: textbook /under. Red. A.I. Chuchaeva. M.: Prospect, 2017. 464p.
2. Bratus S.N. Legal responsibility and legality. M.: Gorodets, 2001. 208p.
3. Russian Criminal Law / Under Ed. A.I. Raroga. M.: Law, 2014. 784p.
4. Tagantsev N.S. Lectures on Russian Criminal Law. Part of the total. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. / <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (Call Date: September 21, 2019).
5. Jovnir S. On the concept of criminal responsibility / Criminal law. 2006. No. 3. P. 21-25.
6. Bagriy-Chahmatov L.V. Criminal responsibility and punishment. Minsk, 1976. 384p.
7. Criminal law. The general part: textbook / Red. I. Kozachenko. 4th ed., rework. And dop. M.: Norma, 2008. 720p.
8. Svecharovsky I.E. Responsibility in Criminal Law. St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2010. 100p.
9. Tkachevsky Y. Criminal Responsibility / Criminal Law. 1999. No. 3. P. 38-41.
10. Blagov E.V. On the basis of criminal responsibility / Lex russica. 2019. No 1. P. 97-107.
11. Ivanchin A.V. Designing the crime: theory and practice. M.: Prospect, 2014. 352p.

УДК.347

ГРНТИ.10.27.41

КОРРУПЦИОННАЯ СДЕЛКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ НАНЕСЕННОГО УЩЕРБА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.562](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.562)

Лаптева Людмила Евгеньевна

Докт. юрид. наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

г. Москва

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса правомерности термина «коррупционная сделка» применительно к российской правовой доктрине и законодательству. Используя общенаучную и частнонаучную методологию познания, в частности, исторический, формально-юридический и компаративный методы, автор доказывает допустимость установления в законе и судебной практике юридического значения в гражданско-правовом аспекте последствий такого рода сделок. Исследуется также вопрос о наличии цивилистического элемента в коррупционной ситуации. Констатируется, что на сегодняшний день российское законодательство о противодействии коррупции не содержит специальных и действенных восстановительных механизмов, хотя выявление коррупционных сделок должно влечь за собой применение к правонарушителям гражданско-правовых средств воздействия. В связи с чем предлагаются разного рода дополнения законодательства. Для подтверждения результата исследования